

Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ
Стратегический взгляд
Америка и глобальный кризис

NEOCLASSIC

Политический инсайд (Эксмо)

Збигнев Бжезинский

**Стратегический взгляд:
Америка и глобальный кризис**

«Издательство АСТ»

2012

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Сое)

Бжезинский З. К.

Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. К. Бжезинский — «Издательство АСТ», 2012 — (Политический инсайд (Эксмо))

ISBN 978-5-17-087508-5

Никогда еще знаменитый «американский ястреб» Збигнев Бжезинский так резко не критиковал политику США, как в этой книге. Времена меняются, мир становится многополярным, и если США не пересмотрят свою концепцию глобальной роли «Богом избранного гегемона в мировой политике», то их ждет точно такой же системный кризис, какой погубил в свое время СССР, считает он. Как помочь Америке осознать свое положение в новой политической системе XXI века и найти противовес стремительно растущему Китаю, все активнее влияющему на геополитику? Как установить баланс между Востоком и Западом и какую роль в этом должна сыграть Европа? Какие предложения должны США сделать России в самом ближайшем будущем, чтобы вовлечь ее в орбиту интересов «Большого Запада»? Бжезинский ищет и находит ответы на эти и многие другие важнейшие вопросы современности...

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Сое)

ISBN 978-5-17-087508-5

© Бжезинский З. К., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Введение	6
Часть I	9
1. Становление глобальной власти	10
2. Подъем Азии и рассредоточение мировых сил	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Збигнев Бжезинский
Стратегический взгляд:
Америка и глобальный кризис

Zbigniew Brzezinski

STRATEGIC VISION:

AMERICA AND THE CRISIS OF GLOBAL POWER

Перевод с английского М. Десятовой

Оформление и компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения издательства Basic Books, an imprint of Perseus Books, Inc. (США) и агентства Александра Корженевского (Россия)

Введение

Современный мир отличается интерактивностью и взаимозависимостью. Кроме того, впервые в истории привычные международные конфликты померкли перед общей проблемой выживания человечества в целом. К сожалению, ведущим державам еще только предстоит выработать совместные пути решения новых растущих угроз человеческому благополучию – экологических, климатических, социоэкономических, продовольственных и демографических. Однако без опоры на геополитическую стабильность любые попытки добиться необходимого международного взаимодействия обречены на провал.

Перераспределение мирового баланса сил и зарождающееся масштабное политическое пробуждение увеличивают – каждое по-своему – нестабильность современных международных отношений. По мере того как растет влияние Китая и как другие претенденты на мировое лидерство – Россия, Индия, Бразилия – конкурируют друг с другом за ресурсы, безопасность и экономическое преимущество, растет вероятность недопонимания и конфликтов. Соответственно Соединенным Штатам необходимо стремиться к выстраиванию более широкого геополитического фундамента для конструктивного сотрудничества на мировой арене, учитывая растущие ожидания все более беспокойного мирового сообщества.

С учетом вышеперечисленного в этой книге мы попытаемся ответить на четыре основных вопроса:

1. Каковы возможные последствия смещения баланса мировых сил с Запада на Восток и как отражается на нем новый фактор пробуждения политической сознательности?

2. Почему слабеет мировое влияние Америки; каковы симптомы ее внутриэкономического и внешнеполитического упадка; как Америка упустила уникальную возможность, полученную после мирного окончания «холодной войны»? И напротив, каковы регенерационные ресурсы Америки и какая необходима геополитическая переориентация, чтобы вернуть мировое влияние в прежнем объеме?

3. Каковы возможные геополитические последствия в том случае, если международное главенство Америки действительно ослабнет, кто пострадает от такого развития геополитических событий прежде всего и как оно отразится на мировых проблемах XXI века? Отберет ли Китай у Америки ведущую роль на мировой арене к 2025 году?

4. Какие долгосрочные цели должна наметить себе возрождающаяся Америка на период после 2025 года? Как ей с ее традиционными европейскими союзниками привлечь к сотрудничеству Турцию и Россию, чтобы расширить и оздоровить нынешний Запад? Как одновременно с этим выстроить на Востоке тесное сотрудничество с Китаем, не сосредоточивая свое конструктивное присутствие в Азии исключительно на нем и избегая опасного вмешательства в азиатские конфликты?

Ответы на эти вопросы строятся на убеждении, что Америка в ближайшие годы не утратит своей ведущей роли на мировой арене. В свете перераспределения мировых сил и растущего международного противостояния тем более важно, чтобы Америка не превратилась в невежественное полицейское государство и не увязла в трясине присущего ее культуре потребительства. Иначе геополитические перспективы в мире, где центр тяжести смещается с Запада на Восток, будут становиться все безнадежнее. Миру нужна экономически сильная Америка, социально привлекательная, ответственно распоряжающаяся своим могуществом, стратегически целеустремленная, пользующаяся международным уважением и исторически грамотная в своих отношениях с новым Востоком.

Насколько вероятна такая глобальная целеустремленность Америки? Сейчас ее идейный настрой нетверд, и рассуждения об исторической неизбежности ее упадка ведутся сплошь

и рядом. Однако периоды подобного пессимизма уже случались, а прогнозы такого рода не оправдываются. Даже широко распространенное после Второй мировой войны убеждение, что XX век – это век Америки, не исключало приступов тревоги, касающихся далекого будущего страны.

Когда во времена президентства Эйзенхауэра Советский Союз запустил свой первый космический спутник, американцев начали одолевать сомнения по поводу перспектив страны в мирном и военно-стратегическом соревновании. Затем, когда США не сумели одержать убедительную победу во Вьетнаме во времена Никсона, советское руководство уверенно предрекало Америке скорое поражение, а пессимистически настроенные американские руководители взяли курс на разрядку напряженности, чтобы сохранить статус-кво в разделенной на два лагеря Европе. Однако вопреки прогнозам Америка выстояла, а советская система развалилась.

К 1991 году, после развала сперва советского блока, а затем и самого Советского Союза, Соединенные Штаты остались единственной мировой сверхдержавой. Теперь американским обещал стать уже не только XX, но и XXI век. Это подтверждали и президенты Билл Клинтон и Джордж Буш. В академических кругах им вторили смелыми заявлениями, что конец «холодной войны» означает, по сути, «конец истории», конец споров о преимуществе того или иного государственного строя. Победа либеральной демократии провозглашалась не только решающей, но и окончательной. Учитывая, что либеральная демократия зародилась на Западе, подразумевалось, что отныне именно Запад и будет диктовать стандарты остальному миру.

Однако этот бьющий через край оптимизм длился недолго. Потребительская культура и дерегулирование экономики, наметившееся при Клинтоне и продолжившееся при Буше-младшем, привели к тому, что на рубеже столетий лопнул мыльный пузырь фондового рынка, а менее чем десятилетие спустя начался крупномасштабный финансовый кризис. Результатом разорительного одностороннего курса Буша-младшего стали десятилетняя война на Ближнем Востоке и развал внешней политики США в целом. Финансовая катастрофа 2008 года чуть не повергла страну в новую экономическую депрессию, заставив Америку – и большую часть Запада – задуматься о том, к каким пагубным последствиям ведет необузданное потребление. При этом в Китае и других азиатских странах немыслимый на первый взгляд сплав экономического либерализма с государственным капитализмом оказался неожиданно благоприятной почвой для экономического и технологического роста. Что, в свою очередь, спровоцировало новые тревоги о будущем Америки как ведущей мировой державы.

Между Советским Союзом на закате его дней и Америкой начала XXI века действительно наблюдается тревожное сходство. Советский Союз – с его коснеющим государственным аппаратом, неспособным к серьезному пересмотру политической программы, – по сути разорил сам себя, отчислая неподъемную долю ВВП на многолетнее военное соперничество с США плюс дополнительные затраты на десятилетние попытки завоевать Афганистан. Неудивительно, что Союз не выдержал конкуренции с Америкой в области передовых технологий и отстал еще сильнее, экономика забуксовала и качество жизни по сравнению с западным еще больше ухудшилось; правящая коммунистическая верхушка цинично игнорировала растущую социальную пропасть, лицемерно скрывая собственное привилегированное положение; и наконец, на международной арене Союз все больше обособливался, портя отношения со своим когда-то главным союзником в Евразии – коммунистическим Китаем.

Эти параллели, пусть даже несколько утрированные, убеждают нас, что Америке необходим новый путь, всеобъемлющая и долгосрочная геополитическая программа, отвечающая требованиям меняющегося исторического контекста. Только динамичная и стратегически мыслящая Америка вместе с объединяющейся Европой смогут совместными силами работать над созданием расширенного и более энергичного Запада, способного стать ответственным партнером расправляющему плечи Востоку. В противном случае геополитически расколотый

эгоцентричный Запад рискует повторить бесславную судьбу ослабевшего в XIX веке Китая, тогда как Востоку грозит опасность, по аналогии с европейскими государствами XX века, погрязнуть в саморазрушительной борьбе за власть.

Задача этой книги – наметить необходимую стратегическую линию, попытавшись заглянуть в будущее после 2025 года.

Збигнев Бжезинский

Март 2011

Часть I Угасающий Запад

«В конце концов мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства. Следовательно, США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя. <...> Маловероятно, чтобы в ближайшие годы какое-либо государство достигло 30-процентного уровня мирового валового внутреннего продукта, который США имели на протяжении большей части нынешнего столетия, не говоря уже о 50 %, которых они достигли в 1945 году».

Из заключения к «Великой шахматной доске» Збигнева Бжезинского, 1997, пер. О.Ю. Уральской

Долгое политическое господство Запада на мировой арене уже несколько десятилетий идет на спад. В 1990-х на краткий миг возникло ощущение, что Запад вопреки двум попыткам Европы совершить коллективное самоубийство в первой половине XX века еще может вернуть прежний статус. Мирное окончание «холодной войны», завершившееся распадом Советского Союза, знаменовало последний этап становления Соединенных Штатов как первой по-настоящему глобальной сверхдержавы. Вместе с Евросоюзом в качестве политически мотивированного и экономически динамичного партнера этот международный лидер казался способным не только возродить мировую гегемонию Запада, но и определить себе конструктивную ведущую роль.

Сегодня, двадцать лет спустя, мало кто видит Евросоюз серьезным политическим игроком в ближайшем будущем, и господствующее положение Америки на мировой арене тоже под вопросом. Поскольку Запад больше не способен действовать как единое целое, долговечность его политического наследия также сомнительна. Канул в Лету тот недолгий период, когда казалось, что Запад оставит миру в наследство международную демократию, мир во всем мире и устраивающий всех общественный договор. Однако перераспределение мировых сил, отражающееся на применении этих сил глобальное политическое пробуждение, а также печальные последствия недавних внешнеполитических действий США и рост сомнений относительно жизнеспособности американского строя в совокупности сильно пошатнули веру в это благополучное наследие Запада.

1. Становление глобальной власти

Самое понятие державы, обладающей мировым влиянием, появилось относительно недавно. Тысячелетиями люди жили в обособленных сообществах, не подозревая о существовании далеких соседей по планете. Миграции и спорадические столкновения с чужаками происходили на фоне полного отсутствия представлений о мире в целом. Лишь в последние лет восемьсот люди стали понемногу – поначалу весьма смутно – осознавать, что где-то есть другие народы. Сперва этому способствовали экспедиции и нанесение на карту прежде неизведанных территорий, а затем колонизация и массовые переселения. Все это привело в конечном итоге к соперничеству империй, которое, в свою очередь, вылилось в две кровопролитные войны за мировое господство, а затем мировое системное противостояние «холодной войны». Совсем недавно «тесноте» нашего мира добавили наглядности космические исследования, а на ночных фотографиях из космоса виден разительный контраст между скоплениями огней цивилизованных территорий – особенно тех, которые относятся к геополитическому Западу, – и темными, технологически менее развитыми, но все более перенаселенными частями остального мира.

Государства, расположенные на западноевропейском побережье Северной Атлантики, первыми пустились в целенаправленное активное исследование планеты. Ими двигала мощная совокупность факторов: развитие навигационных приборов, стремление обратить другие народы в свою веру, жажда монархической и личной славы и, не в последнюю очередь, тяга к обогащению. Отчасти благодаря этому гандикапу почти половину тысячелетия западноевропейские страны владели территориями, сильно удаленными от континентального доминиона. Таким образом границы Запада раздвинулись – сперва благодаря завоеваниям, затем переселению – от Атлантического побережья Европы до Западного полушария. Португалия с Испанией завоевали и колонизировали Южную Америку, Британия с Францией – Северную. Когда впоследствии обе Америки получили политическую независимость от Европы, началась широкомасштабная миграция европейцев в Западное полушарие. К тому времени западноевропейские морские державы, имеющие выход в Атлантику, добрались до Индийского и Тихого океанов, установили свою власть на территории нынешней Индии и Индонезии, подчинили некоторые части Китая, отхватили себе почти всю Африку и Ближний Восток, а также прибрали к рукам многочисленные острова Тихого и Индийского океанов и Карибского моря.

С XVI до середины XX века этот культурно-политический охват обеспечил европейским государствам североатлантического региона дискретное политическое господство почти по всему земному шару. (В этом отношении колониальные империи фундаментально отличались от древних региональных империй, обособленных и охватывающих какую-то территорию целиком, – Римской, Персидской, империи Великих Моголов, Монгольской, Китайской и империи инков, каждая из которых считала себя центром земли, почти ничего не зная о географии мира за пределами своих земель.) Активно расширяла свои сухопутные границы с XVII по XIX век царская Россия, однако и она, за кратковременным исключением в виде Аляски, присоединяла лишь прилегающие территории. То же самое можно сказать и о расширении границ Османской империи на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе.

Империи на пике территориального охвата

1. Британская империя (1920)	34 000 000 кв. км
2. Монгольская империя (1309)	24 000 000 кв. км
3. Российская империя (1905)	23 000 000 кв. км
4. Вторая Французская колониальная империя (1920)	15 000 000 кв. км
5. Маньчжурская (Цинская) империя, Китай (1800)	15 000 000 кв. км
6. Испанская империя (1800)	14 000 000 кв. км
7. Омейядский халифат (720)	11 000 000 кв. км
8. Юаньская династия, Китай (1320)	11 000 000 кв. км
9. Аббасидский халифат (750)	11 000 000 кв. км
10. Португальская империя (1815)	10 400 000 кв. км
11. Империя Ахеменидов, Персия (480 до н.э.)	8 000 000 кв. км
12. Римская империя (117)	6 500 000 кв. км

Однако затяжные конфликты между властвующими над миром атлантическими морскими державами Европы пошатнули их геополитическое положение относительно набирающих силу государств, располагающихся в глубине Европы и в Северной Америке. К XVIII веку в результате этой непрекращающейся борьбы претендентами на заокеанское господство остались лишь две державы – Великобритания и Франция. Силы иберийцев истощили разорительные в финансовом и стратегическом отношении бесконечные войны XVI–XVII веков с Нидерландами и немецкими провинциями, а голландское могущество начало слабеть в конце XVII века, подавляемое Британией на море и воинственной соседкой Францией на суше.

Когда к середине XVIII века дым сражений рассеялся, Великобритания и Франция остались единственными соперницами в борьбе за имперское господство. В XIX веке это трансокеанское соперничество за колониальные владения перетекло в борьбу за господство и в самой Европе, а в начале XX века – в альянс против Германии, набирающей силы континентальной европейской державы, которая, по неслучайному совпадению, тоже вступила в международную борьбу за колонии. Из двух вспыхнувших вслед за тем мировых войн Европа вышла разоренной, расколотой и деморализованной. Неудивительно, учитывая, что после 1945 года евразийский гигант под названием Советский Союз, победно укрепившись в самом сердце Европы, явно намеревался, как монголы семью сотнями лет ранее, прокатиться еще дальше на Запад.

Тем временем на другом берегу Северной Атлантики Соединенные Штаты на протяжении всего XIX века наращивали свою промышленную и военную мощь, пользуясь географической удаленностью от разорявших Европу имперских и континентальных распрей. Своим вмешательством в две мировые войны первой половины XX века Штаты уберегли Европу от германского господства, однако действия свои они вели на расстоянии, поэтому избежали беспрецедентной разрухи и массовых жертв. Более того, благодаря своему завидному экономическому и геополитическому положению в конце Второй мировой войны Америка обрела новый статус – хозяйки мировой арены. В результате во время последовавшей «холодной войны» между Востоком и Западом мир наблюдал появление нового, трансатлантического, Запада, где Штаты играли роль кормильца, а значит, и главы.

Америка и независимые западные остатки Европы – связанные общей задачей сдерживать натиск Советского Союза, а также общностью политического и экономического строя, а значит,

и идеологией – образовали геополитический костяк перекроенного заново Атлантического альянса, пытающегося устоять перед трансевразийским китайско-советским блоком. Институционализировать эти узы помогло создание НАТО, а Западная Европа тем временем, пытаясь ускорить послевоенное восстановление, начала экономическую интеграцию, объединившись в Европейское экономическое сообщество, преемником которого впоследствии стал Евросоюз. Однако Западная Европа оставалась уязвимой для Советской державы, поэтому почти официально превратилась в протекторат Америки, попав к ней же в неофициальную финансово-экономическую зависимость.

Тем не менее по прошествии четырех десятилетий тот самый трансатлантический обороняющийся Запад вдруг превратился в сильнейшего игрока на мировой арене. К краху Советского Союза в 1991 году, последовавшему за распадом советского блока в Восточной Европе двумя годами ранее, привело сочетание социальной усталости, политической несостоятельности, идеологических и экономических просчетов марксизма, а также успешной внешней политики Запада по «военному сдерживанию» и мирному идеологическому проникновению. Непосредственным результатом этого краха стало окончание полувекового разделения Европы. В глобальном смысле он также знаменовал превращение Евросоюза в самостоятельный источник весомого финансового и экономического (а в перспективе даже военно-политического) влияния. Таким образом, поскольку объединяющаяся Европа оставалась в геополитическом союзе с Соединенными Штатами – к тому времени единственной в мире военной сверхдержавой, обладающей самой передовой и процветающей экономикой, – атлантический Запад на пороге XXI века готовился к наступлению новой эры своего господства.

Финансово-экономический фундамент для этой мировой гегемонии уже существовал. Даже во время «холодной войны» капиталистический строй и невероятный динамизм американской экономики обеспечивал атлантический Запад несомненным финансово-экономическим преимуществом перед своим геополитическим и идеологическим противником, Советским Союзом. Поэтому, несмотря на серьезную военную угрозу, атлантические державы смогли закрепить свое господствующее положение на мировой арене посредством развивающейся сети взаимодействующих международных организаций, начиная от Всемирного банка и МВФ и заканчивая ООН, тем самым создавая фундамент для долгосрочной мировой гегемонии.

Аналогичным образом выросла в этот период идеологическая привлекательность Запада. В Центральной и Восточной Европе Запад рождал благоприятный образ соблюдения прав человека и политической свободы, тем самым ставя Советский Союз в невыгодное положение. К концу «холодной войны» Америка и западные страны уже прочно ассоциировались с универсально привлекательными принципами человеческого достоинства, свободы и процветания.

Если притягательность Запада возрастала, то географический охват после Второй мировой, наоборот, существенно сузился. Две мировые войны значительно подорвали силы западных империй, а новый гегемон – Америка – отказался от имперского наследия европейских союзников. Президент Рузвельт открыто заявлял, что активное участие Штатов в освобождении Европы во время Второй мировой не подразумевает реставрации колониальных империй Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии и Португалии.

Однако принципиальное неприятие Рузвельтом колониализма не мешало ему проводить захватническую политику, нацеленную на занятие ключевых позиций в основных нефтяных странах Ближнего Востока. В 1943 году, беседуя с британским послом в США у карты Ближнего Востока, Рузвельт высказался без обиняков: «Персидская нефть ваша. Иракская и кувейтская – пополам. Но саудовско-аравийская – наша»¹. Так началось обернувшееся впоследствии серьезными проблемами политическое вторжение США в этот регион.

¹ Peter Nolan, Crossroads, London, 2009. См. также Дэниел Ергин. Добыча. «Всемирная история борьбы за нефть, деньги

Конец европейских империй во многом приблизил растущая напряженность в колониях. Началась борьба за национальное освобождение, советская идеологическая и вооруженная поддержка угнетенных сильно осложняла репрессивные меры. В новой политической действительности распад старых колониальных империй европоцентрического Запада оказался неизбежным. Британия мудро (не дожидаясь, пока ее вынудят силой) предпочла удалиться из Индии, а потом и с Ближнего Востока (оставив после себя религиозную и этническую неразбериху, которая обернулась колоссальной гуманитарной трагедией в Индии и вылилась в непрекращающийся палестино-израильский политический конфликт, от которого по-прежнему страдает и Запад, и Ближний Восток). С подачи США британцы почти добровольно отказались от своих африканских колоний. Голландцы в Индонезии предпочли остаться и применить силу – но потерпели поражение. Точно так же проиграли и французы в двух кровопролитных колониальных войнах – сперва вьетнамской, затем алжирской. Португальцев вынудили уйти из Мозамбика и Анголы. Таким образом, географические границы Запада сжимались, тогда как геополитическое и экономическое влияние, наоборот, росло – в основном благодаря расширяющемуся международному господству американской культуры, экономики и политики.

В то же самое время – скрытый от широкой публики туманом «холодной войны» – наметился более фундаментальный сдвиг в глобальном распределении политических и экономических сил. В конечном итоге он привел к перетасовкам в мировой иерархии, которые начали проявляться в результате финансового кризиса конца 2007 года. В процессе кризиса стало ясно, что для преодоления экономических трудностей уже недостаточно усилий единственной мировой сверхдержавы или Запада в целом и теперь требуется участие государств, которых до сих пор к решению мировых финансово-экономических проблем не допускали.

Практическое осознание этой новой действительности пришло, когда в 2008 году новыми участниками из Азии, Африки и Латинской Америки пополнилась «Большая восьмерка», превратившись из закрытого, преимущественно западного клуба в «Большую двадцатку», с более равномерным представительством частей света. О переменах свидетельствовало и то, что ведущие роли на первом собрании «двадцатки», созванном в США в 2009 году, отводились президентам двух государств – Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики.

Совокупным результатом этих событий стало осознание новой геополитической реальности: смещения центра тяжести мировой власти и экономического динамизма с атлантического региона на тихоокеанский, с Запада на Восток. Впрочем, как напоминают нам историки экономики, в течение восемнадцати столетий в общемировом ВВП неизменно преобладала доля Азии. Еще в 1800 году на Азию приходилось около 60 % мирового ВВП – по сравнению с европейскими 30 %. Одна доля Индии в мировом производстве доходила (согласно Джасванту Сингху, бывшему министру финансов Индии) в 1750 году до 25 % – примерно столько же составляет сегодня доля США. Однако за XIX–XX века, с вторжением европейского империализма, опирающегося на передовые промышленные и финансовые технологии, мировая доля Азии начала стремительно сокращаться. К 1900 году, когда Индия уже достаточно долгое время находилась под владычеством Британии, ее доля снизилась до жалких 1,6 %.

В Китай, так же как и в Индию, британский империализм пришел по пути, проторенному британскими торговцами. Огромный торговый дефицит от закупок китайского чая, фарфора, шелка и тому подобных товаров британские торговые компании надеялись покрыть продажей опиума китайским импортерам. Запоздалые попытки Пекина запретить ввоз опиума и ограничить доступ иностранным торговцам повлекли за собой два вооруженных вмешательства – сперва британское, затем британско-французское, которые ускорили резкое падение доли Китая в мировой экономике.

Былое экономическое превосходство Китая и Индии позволяет утверждать, что нынешний экономический подъем Азии – это, по сути, возвращение утерянного, но достаточно долговременного могущества. Однако необходимо отметить, что перевес Азии в ВВП достигался на фоне иной картины мира – с обособленностью и крайне ограниченным экономическим взаимодействием между регионами. Экономические связи между Европой и Азией строились в основном на бартерном обмене, осуществлявшемся в нескольких портах (в Калькутте, например), или на доставке товара караванами, медленно шествующими по Шелковому пути. Мировой экономики, характеризующейся постоянным взаимодействием и растущей взаимозависимостью, тогда не существовало.

Таким образом, в былые времена этот статистически внушительный, но не связанный с остальными регионами экономический прогресс Азии не был направлен вовне. В начале XV века Китай предпочел политику активной самоизоляции, еще ранее отказавшись воспользоваться технологическим преимуществом своего торгового флота и океанских военных кораблей для закрепления политического влияния. Индия при Великих Моголах обладала огромными богатствами, однако отличалась раздробленностью и не имела внешнеполитических притязаний. И действительно, единственный сколько-нибудь значимый пример устремления азиатской политической мощи на Запад – это поход Чингисхана, который со своими всадниками отрезал значительный кусок от евразийского пирога. Однако вышла эта дикая орда из страны с совсем уж крошечным ВВП, тем самым доказывая, что в те времена экономическая несостоятельность военным успехам не препятствовала.

2. Подъем Азии и рассредоточение мировых сил

Подъем на вершину мирового господства трех азиатских держав – Японии, Китая и Индии – не только изменил кардинальным образом баланс мировых сил, но и подчеркнул рассеянный характер геополитической власти. Превращение этих азиатских государств в значимые политико-экономические фигуры – феномен, свойственный исключительно периоду после Второй мировой, поскольку до второй половины XX века ни одна из этих стран не могла воспользоваться огромной численностью своего населения как преимуществом. Хотя, надо признать, предпосылки выхода Азии на международный уровень проявились еще во время непродолжительного торжества Японии как сильной военной державы после Русско-японской войны 1905 года. Однако вслед за этим неожиданным триумфом Япония загнала себя в ловушку военного империализма, обернувшегося в 1945 году полным поражением от рук США в войне, где своей основной задачей Япония провозглашала освобождение Азии от западного доминирования. Процесс последующего восстановления страны из руин, оставленных Второй мировой, уже давал представление о будущей Азии, укрепляющей свой международный статус за счет экономического роста.

Прочная антимилитаристская демократия, принятие оборонного покровительства Америки и целеустремленность в восстановлении разрушенного хозяйства создали в Японии благодатную почву для быстрого экономического роста. ВВП Японии, при высоком уровне сбережений, умеренной заработной плате, целенаправленном упоре на разработку высоких технологий и притоке иностранного капитала благодаря энергично продвигаемой экспортной продукции, вырос с 500 миллиардов долларов в 1975 году до 5,2 триллиона в 1995 году². Непродолжительное время спустя успех Японии повторили – правда, в условиях более авторитарного строя – Китай, Южная Корея, Тайвань, страны АСЕАН и Индонезия, а также более демократическая Индия.

В середине XX века Америка отличалась относительным благодушием и сперва не особенно замечала новую роль Японии в мировой экономике. Однако в 1980-е и в начале 1990-х Япония вдруг превратилась в источник беспокойства. Тревогу вызывала не столько геополитическая напористость Японии (остававшейся как-никак верным союзником Америки и исповедовавшей пацифизм), сколько очевидное преобладание на американском внутреннем рынке японской электроники, а затем и автопрома. Паранойя подогревалась паникерскими репортажами СМИ о приобретении Японией контрольного пакета акций ключевых американских промышленных предприятий (в том числе символически значимых – как Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке). Япония превратилась в центр экономического влияния, торговый гигант и даже растущую угрозу американскому промышленному и финансовому мировому господству. Японию как «супергосударство» склоняли на все лады и в паникерских публикациях СМИ, и в демагогических речах в конгрессе. Панику, которая поутихла только после «потерянного» для Японии десятилетия 1990-х, сильно замедлившего ее экономический рост, подпитывали научные теории, предвещающие, что Страна восходящего солнца обречет американскую экономику на неизбежный закат.

Несмотря на то что опасения насчет захвата Японией мировой экономики не оправдались, ее послевоенный скачок открыл Западу глаза на имеющийся у Азии потенциал для экономического и политического первенства. Это подтвердили последующие экономические успехи региона, особенно начатая по японскому примеру Южной Кореей в 1960-х годах программа развития экспортно-ориентированной экономики. К 2010 году президент когда-то нищей Южной Кореи мог с уверенностью заявлять о готовности страны играть ведущую

² Всемирный банк. Ежегодные показатели мирового развития. 25 апреля 2011 г.

роль в принятии глобальных экономических решений, – символическим тому подтверждением послужило проведение в Сеуле форума «Большой двадцатки» в 2010 году. Тайвань и Сингапур также продемонстрировали пример динамичного экономического роста и социального развития, далеко обогнав во второй половине XX века западноевропейские страны периода восстановления экономики после Второй мировой.

Однако все это лишь прелюдия к самому решительному рывку в ранней истории мировой геополитики и экономики – реактивному взлету Китая на вершину мирового Олимпа к первому десятилетию XXI века. Предпосылки к этому взлету нужно искать в далеком прошлом, с борьбы за национальное обновление, начатой более века назад молодыми китайскими интеллектуалами-националистами и несколько десятилетий спустя завершившейся победой китайской компартии. Несмотря на то что губительные для социально-экономического развития «Большой скачок» и «Культурная революция» Мао отбросили Китай на несколько лет назад, в 1978 году беспрецедентный толчок социально-экономической модернизации Китая дал Дэн Сяопин с его смелой либерализацией рынка, «распахнувшей» Китай навстречу внешнему миру и задавшей направление для небывалого роста. Этот экономический скачок означает конец единоличного главенства Запада и смещение мирового центра тяжести на Восток.

Переориентация внутренней экономики Китая совпала с драматичной геополитической перестановкой – разрывом с Советским Союзом. Постепенное охлаждение и растущая взаимная неприязнь в 1960-х вылились в открытый конфликт. Так у США появилась уникальная возможность, которой воспользовался сперва президент Ричард Никсон в 1972 году, а затем Джимми Картер в 1978-м, – выступить с Китаем единым фронтом против Москвы. За три последующих столетия Китай, который, избавившись от потенциальной советской угрозы, мог теперь сосредоточить силы на внутреннем развитии, вышел в модернизации инфраструктуры примерно на тот же уровень, которого добился Запад за предыдущее столетие. Несмотря на не решенные пока внутренние этнические вопросы, касающиеся Тибета и Синьцзяна, серьезную внутривнутриполитическую встряску 1989 года и социальный разрыв между развитием города и деревни, достижения Китая впечатляют. Однако в конце концов и они подогрели народные и геополитические опасения Америки. Заявления о «скупке» Штатов Китаем звучали эхом былого возмущения тем, что японцы скупают акции американской недвижимости и промышленных предприятий. К 2010 году панические настроения, напоминая вызванные в конце 1980-х Японией, заставили многих опасаться, что Китай вскоре вытеснит Америку с пьедестала ведущей мировой супердержавы.

Смещению мирового баланса сил на Восток способствовал также недавний выход на международную арену постколониальной Индии, одной из двух самых густонаселенных стран мира и тоже лелеющей глобальные амбиции. В современной Индии причудливо переплетаются демократическое самоуправление, острое социальное неравенство, экономический динамизм и масштабная коррупция в политике. Поэтому ее становление как влиятельного политического игрока состоялось позже Китая. Индия старалась держаться в тени так называемых неприсоединившихся стран – сохраняющих нейтралитет, но колеблющихся в политическом отношении государств, в числе которых были такие, как Куба и Югославия, декларирующие неучастие в «холодной войне». Короткое военное столкновение с Китаем в 1962 году, закончившееся поражением Индии, было затем частично заглажено победами в двух войнах с Пакистаном в 1965 и 1971 годах. В общем и целом до недавнего времени Индия представлялась носителем авторитетного морализаторского мнения по мировым проблемам, не обладающей достаточно авторитетным влиянием.

Это представление начало меняться в результате двух значительных подвижек: собственных ядерных испытаний, проведенных Индией в 1974 и в 1998 годах, и впечатляющего экономического роста, начавшегося в 1990-х. Либеральные реформы, включающие разгосударствление внешней торговли и инвестиций, а также поддержку приватизации, превратили когда-то

анемичную и неповоротливую квазисоциалистическую экономику в более динамичную, основанную на услугах и высоких технологиях, тем самым обеспечивая Индии экономический рост за счет экспорта, по примеру Японии и Китая. К 2010 году Индию, начавшую опережать Китай по численности населения, уже считали способной перехватить у Китая пальму политического первенства в Азиатском регионе – несмотря на нерешенные внутренние проблемы (от религиозной, языковой и этнической розни до низкого уровня грамотности, острого социального неравенства, беспорядков в сельских районах и устаревшей инфраструктуры).

Политической верхушкой Индии движут стратегические амбиции, заключающиеся в усилении мирового влияния и обеспечении главенства в своем регионе. Постепенное улучшение индийско-американских отношений в первом десятилетии XXI века также укрепило мировой статус Индии, удовлетворяя ее амбиции. Однако от более широких геополитических устремлений ее удерживает незатухающий конфликт с Пакистаном, частью которого выступает борьба за влияние в Афганистане. В этом свете мнение внешнеполитической верхушки Индии о своей стране не только как о сопернице Китая, но и состоявшейся мировой супердержаве не выдерживает критики.

Тем не менее появление на мировой арене Китая как экономического соперника Америки, Индии как регионального центра тяжести и богатой Японии как тихоокеанской союзницы Америки не только кардинальным образом изменило расстановку мировых сил, но и подчеркнуло их рассредоточение. Это чревато серьезными последствиями. У азиатских держав в отличие от атлантических государств времен «холодной войны» нет (и не было) регионального союза. Они соперники, поэтому в некотором отношении напоминают европейские приатлантические страны эпохи колониального, а затем континентального соперничества за геополитическое превосходство, которое в конце концов вылилось в две кровопролитные мировые войны. Азиатское соперничество может создать угрозу региональной стабильности, особенно если принять во внимание огромное население азиатских стран и наличие у некоторых из них ядерного оружия.

Разумеется, между былым трансокеанским имперским соперничеством европейских держав и современным азиатским есть основополагающее различие. Главные азиатские соперники не борются за дальние заокеанские владения, а в Европе именно из-за этой борьбы мелкие столкновения переросли в крупные межгосударственные конфликты. Стычки между азиатскими странами не выплескиваются за рамки региона. И тем не менее даже региональный конфликт между любыми азиатскими странами (из-за островов, морских путей, береговых границ) может отразиться на глобальной экономике.

Более вероятная опасность, проистекающая из рассредоточения сил, – потенциальная нестабильность глобальной иерархии. Соединенные Штаты по-прежнему главенствуют, однако легитимность, эффективность и прочность этого лидерства вызывает все больше сомнений у мирового сообщества, наблюдающего, как Штаты ввязаны во внутренних и внешних противоречиях. Тем не менее во всех значимых и осязаемых традиционных сферах влияния – военной, технологической, экономической и финансовой – Америка по-прежнему на коне. Она обладает самым крупным единым национальным хозяйством, сильнейшим финансовым влиянием, самыми передовыми технологиями и военным бюджетом, превышающим бюджеты всех остальных стран, вместе взятых, а также вооруженными силами, дислоцированными в разных частях света либо готовыми к быстрой переброске за границу. Возможно, такое положение дел продлится недолго, но пока для международных отношений это данность.

Евросоюз мог бы побороться за второе место в расстановке мировых сил, однако для этого нужен более спаянный политический альянс, с общей внешнеполитической программой и общей обороноспособностью. Но к сожалению для Запада, Европейское экономическое сообщество, расширившееся после «холодной войны» до Европейского союза, осталось союзом только на словах, на самом же деле названия следовало бы поменять местами. Более тес-

ное «сообщество» западноевропейских стран в политическом отношении было сплоченнее, чем сменивший его «союз», охвативший почти всю Европу и обозначивший свое единство частично общей валютой, однако лишенный по-настоящему весомой центральной политической власти и единой финансовой политики. В экономическом отношении Евросоюз играет ведущую роль на мировой арене, значительно превосходя Штаты численностью населения и объемами внешней торговли. Однако благодаря своим культурным, идеологическим и экономическим связям с Америкой и особенно с НАТО Европа остается младшим геополитическим партнером Штатов на разобщенном Западе. Евросоюз мог бы сочетать мировое величие с глобальной системной актуальностью, но после окончательного падения империй европейские державы предпочли передать более затратную задачу поддержания мировой безопасности Америке, чтобы самим пустить свои ресурсы на обеспечение безопасности социальной (от колыбели до – и после – ранней пенсии), финансирующейся за счет растущего государственного долга, не связанного с экономическим ростом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.